

# Дальнее — близкое — эпизод 19 из 31

Красивым пятном осенних красок выделялась генеральская дача. Основинские прудки и Вознесенская гора с большими садами на спусках около харитоновского и турчаниновского домов. На фоне других домов внушительным и заметным казалось здание городской больницы. Но больше всего меня опять занимал вокзал и железнодорожные здания. Полиевкт Егорыч и сам не прочь был тут постоять.

— Да, браток, важная это штука! Теперь народ попривык маленько, а сперва-то со всего городу сбегались к приходу поезда, — и неожиданно спросил: — Тебе сколько годов-то?

— Десять.

— Ровесник, значить, первой дороге. Первой по здешним местам! А там, гляди, еще проведут при твоей бытности. В газетах вон уже поговаривают — ветку будут тянуть на Челябинск. Тогда на колесе-то можно будет до самого Питера докатить.

Долго стоять здесь все-таки Полиевкт Егорыч был не склонен и решительно предложил:

— Пошли дальше!

Лес был привычного для меня вида, только не такой подбористый, как на наших Сысертских горках.

— Невысокое место — мендач и растет, а дальше тоже смолевая сосна пойдет, — ответил на мое замечание старик.

На лесных полянках попадались кольца поздних рыжиков, по вырубкам, около пней, было много опят, но Полиевкт Егорыч не особенно увлекался сбором и все шагал дальше в одном направлении. Так выбрались мы к небольшому круглому лесному озерку, с одной стороны которого был замечен исток речки.

— Тут посидим, поедим, про старину поговорим, — объявил Полиевкт Егорыч.

Однако на вопрос, что за озеро, ответил:

— Погоди! Об этом разговор потом будет. Принеси-ка чайничек воды, а я костерок запалю.

Пока шла подготовка к еде, Полиевкт Егорыч не один раз отходил от костра и топтался на берегу озера. Идет мерным шагом, потом вдруг начнет притоптывать, как будто пробует прочность почвы под ногой.

Вскипятив воду, принялись за еду.

У старика в корзине оказалась небольшая фляжка с занятой пробкой-чепарушкой. Полиевкт Егорыч с заметным удовольствием опрокинул несколько чепарушек, похвалил лесную еду и, принявшись за чай, разговорился:

— Думаешь, озеро это?

— А как?

— Озером считают. Шувакиш называется. А на деле тут запруда была. На этом самом месте, на котором сидим. Не веришь? А гляди, по уклону-то куда ложок пошел? В эту сторону? И дальше такой же уклон. Верно? А вот взлобочек откуда выбежал? Вот то-то! В документе не зря обозначено: «Плотина вдоль пятнадцать сажен, поперек — шесть сажен». Тут завод стоял. Понимаешь, — завод! Конечно, не на нынешнюю стать. А все-таки четыре больших молота считалось. Горны тоже. Железо тогда, известно, по-сыродутному добывали, — сразу же из руды. Стоянка тоже была. Избы, амбары и все, что при таком деле полагается.

Заметив явное недоверие с моей стороны, Полиевкт Егорыч наставительно проговорил:

— А ты не сомневайся, Сысертский. Давнее дело. Близко двухсот лет с той поры прошло. Нашего города и в помине не было, и других заводов по нашим местам не значилось. Лесу за столько годов много нарастет, а вода — дай ей волю, — что хочешь замочет. То и кажется, что никто здесь не жила, а по документу на другое выходит. Были тут люди, да еще какие люди!

Первый заводчик назывался Ларион Игнатьев. Он из небогатых, видать. Руду нашел, а обзаводиться стал на чужие деньги — московского купца Болотова. Потом этот купец прижал Лариона. Завод на себя перевел, а этого перводобытчика с женой и ребятами за долг «взавив взял». Закрепостил, значить. Потом этого первого заводчика убил неведомо кто, а его баба за арамильского заводчика вышла, и завод, хоть он числился за московским купцом, передала арамильским же: Чебыкину да Чусовитину. Эти года два поработали. На них башкиры набег сделали. Чуть не всех перебили, а лошадей и скот к себе угнали. Начисто разорили, а все-таки нашелся охотник — нижегородец какой-то Масляница. Этого опять беглые уколошили. Тогда вот

только этот Шувакинский завод в казенные книги и попал. По приказу сибирского губернатора, этот выморочный завод был продан тулякам-рудоплавильщикам Мигналеву да Ермолову за пятьдесят один рубль. Только, видно, у этих рудоплавильщиков поднять завод силы не хватило. Так дело и заглохло.

Когда возвращались домой, старик был занят все той же мыслью:

— Ох, и твердый у нас народушко! Ох, и твердый! К чему прильнет, никак его не оторвешь и ничем не испугаешь. Возьми хоть этого Игнатьева, которого купец «взажив взял» за долги. Думаешь, нельзя было ему уйти из такого глухого места? Да сделай милость, в любую сторону. А он, небось, до конца сидел, потому своего добиться хотел. Прямо сказать, въедливый народ. И терпеливый тож. Развяжи-ка такому руки, так он тебе на этом же месте такое сгрохает, что по всему миру отдачу даст. Ты это попомни, Сысертский! Не зря тебе сказывал, а по документу.